

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье анализируются базовые ситуации, связанные с долгосрочными программами социального развития общества и основанные на проектном подходе. Оценивается перспектива применения проектного подхода к современному российскому обществу, которое интерпретируется как многосоставное (по ключевым факторам) общество.

In the article the basic situations, connected with longterm programs of social development of society and grounded on the project approach, are analyzed. The author evaluates the perspective of using the project approach to contemporary Russian society, which is interpreted as multicomponental (according to the key factors) society.

Ключевые слова: социальный стратегический проект; управление развитием; гомогенное и гетерогенное общество; многосоставное общество; сильное государство; стратегические сценарии социального развития.

Keywords: social strategic project; management of the development; homogeneous and heterogeneous society; strong state; strategic scenarios of social development.

В последнее время в науке и в политической практике возрос интерес к проблемам стратегического управления в разных его версиях: нацеленных на геополитические реалии; завязанных на средне- и долгосрочное прогнозирование и планирование; обусловленных направленностью на структурную перестройку общества и т.п.

Очевидно, что востребованность стратегических подходов обусловлена прежде всего желанием избежать политических, социальных и экономических рисков и потерь в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В то же время ряд наиболее значимых изменений требует колоссальных инвестиций и капиталовложений в развитие новой материально-технической базы и человеческие ресурсы, отдача от которых может сказаться лишь в перспективе 10 — 20 лет. Это касается прежде всего формирования новых технологических укладов и подготовки специалистов, их обслуживающих.

Наряду с соображениями, относящимися к категории «должное», есть немало обстоятельств из области «сущего», которые заставляют нас внимательно отнестись к теоретическим основаниям, из которых выводится «должное». И прежде всего это невысокая доля реализации основных целевых социальных и экономических программ, через которые реализуется стратегия современной России.

Обращаясь к проблеме стратегического управления, подчеркнем, что в современных условиях речь идет прежде всего об управлении развитием (а не только функционированием или кризисным управлением), об управлении, сочетаемом с проектной социальной деятельностью.

Основной его инструментарий – это прежде всего проектный подход. Обращаясь к более чем весомому российскому опыту, можно сказать, что Россия в течение многих десятилетий апробирует различные методы управления большими социальными системами через их проектирование и накопила, по нашему мнению, наибольший объем знаний сравнительно с другими в этой области. И здесь есть и позитивное, и негативное знание.

Без анализа методологических недостатков в этой области нельзя успешно двигаться дальше. Обратим внимание на основные уроки в этой области.

Урок 1. Из области строительства социализма. О проектировании, позволяющем преодолеть отставание и «перепрыгнуть» через эпохи, не повторяя основные этапы их прохождения. Поучителен в этом плане исторически значимый спор представителей двух крыльев в социал-демократическом движении: большевиков (революционное крыло) и меньшевиков (эво-

люционное крыло).

Позиция меньшевиков в начале XX века: Россия не готова к социалистической революции по экономическим и социальным основаниям. Поэтому уповать на «политическую революционную ситуацию» и ее использование для ускорения социального развития – глупо, не по-марксистски, противоречит марксизму. Позиция большевиков апеллирует к активной роли политической надстройки. Как говорил В.И. Ленин, «ничто не может нам помешать, взяв в свои руки политическую власть, использовать ее для преодоления экономической отсталости». Вот только на практике получилась глубокая деформация общества, приведшая к тоталитаризму или, мягче говоря, к формированию мобилизационной модели общества, где роль государства не только со временем не сокращается («государство отмирает»), а, напротив, резко растет. И говорить в условиях тотального огосударствления о движении к социализму – проблематично.

Общество такого типа перегружено государственным дирижизмом и государственным насилием и становится со временем (когда решены основные задачи мобилизационного этапа) основным препятствием саморазвития и гуманизации общества, свободной и гуманной самореализации человека.

Урок 2. Из дискуссий на III Всероссийском научно-практическом симпозиуме в г. Истра в апреле 2013 г. о постсоциализме вытекает прежде всего тот вывод, что упомянутый выше первый российский урок, в конце 80-х – начале 90-х годов (в период перестройки и постперестройки), в самой России так и не был усвоен, и в течение последних 20 лет реализуется аналогичный большой социальный проект с обратным знаком – по строительству «рыночной экономики», «капитализма», «демократического общества». Но по проектному инструментарию и методологическим подходам он весьма похож на прежний. Но на этот раз вначале роль государства и политической надстройки не афишируется (государство – «ночной сторож»). Однако на деле ни один стратегически важный шаг без опоры на государство не совершается. В итоге государственная бюрократия в симбиозе с олигархией (олигократия) становится основным субъектом политического управления и социального проектирования. И основным препятствием в становлении демократического общества и гуманизации общества.

Опять-таки, данный большой социальный проект реализован в форсированной форме и на мобилизационной основе. В такие сроки ничего иного «построить» невозможно.

Урок 3. Эволюционное развитие, сбалансированное в сфере политики, экономики и социальной структуры многих стран Европы, позволило к началу XXI века реализовать социал-демократический большой социальный проект. К тому же он обладает конвергентными характеристиками: периодический переход политической власти от социал-демократических к буржуазным партиям не меняет существенно ни экономической, ни социальной структуры. И в полной мере можно говорить о формировании посткапиталистической социальной системы.

Что касается дискуссии о постсоциализме, то самое время задуматься о природе того общества, которое было сформировано в России в первой половине XX века. Вероятно, применительно к нему можно очень смягченно говорить о госсocialизме. Но в таком случае советскому социализму предстоял бы в перспективе большой эволюционный путь к «нормальному социализму». Однако этого уже не произойдет (по крайней мере, в первой половине XXI века).

Идентифицируя с доктринальными признаками капитализма современное российское «постсоциалистическое» общество, мы вряд ли найдем весомые основания для отнесения его к классу буржуазных обществ. Да и к тому же ряд его трендов развития носит инволюционный или ретроадиционный характер, что свидетельствует не о прогрессивном, а о регрессивном характере развития.

Имея в виду указанные выше уроки большого социального проектирования, у нас есть все основания, чтобы более внимательно рассмотреть содержательное наполнение категорий «управление», «общество», «стратегия развития» применительно к современным российским реалиям. Иначе мы рискуем никогда не выйти из «андроповской ловушки». (Незнание общества, в котором живем, имея при этом объемный теоретический инструментарий и полный объем эмпирической, управленческой и любой другой информации и будучи не в силах преодолеть когнитивный диссонанс).

Резюмируя сказанное, отметим, что наиболее эффективные подходы к социально-политическому управлению пока связаны с ори-

ентацией на предмет и объект управления стационарного типа, хотя анализ структурных проблем современного общества также может быть сориентирован на разные его модели. С одной стороны, это научная или рациональная картина, построенная на базе социального детерминизма и социальной структуры. Здесь представлены причинно-следственные или корреляционные взаимосвязи между различными и значимыми социальными, политическими, экономическими факторами и группами (объектами). Обозначены экстремальные точки, т.е. некие критические значения этих величин, ниже или выше которых перемещаться не следует – спровоцируешь нестабильность. Например, безработица, незанятость, превышающая 10 % – критический показатель. Доля нищего населения свыше 10 % – то же самое. Уровень доверия к власти – ниже 25 % и т.п. [1]

Такого рода картина и показатели носят объективный характер и основаны на научно-объективных моделях общества.

Вместе с тем управленческая репрезентация может исходить и из субъективной картины жизни общества, которая проецируется прежде всего со стороны элиты в общественное сознание, массовое сознание, общественное мнение. Эта картина построена на ценностях и интересах, привычках и моде, языковых стереотипах и фольклорных образах, традициях и ритуалах. Речь идет о так называемой рефлексивной модели управления, о которой требуется особый разговор.

Современные объективированные представления о российском обществе не дают какой-то унифицированной, устоявшейся картины. Существенно изменилась, но не устоялась за последние 12 – 15 лет социальная структура; появились принципиально новые экономические уклады, но прогнозировать их инерционность даже в ближнесрочной перспективе вряд ли кто возьмется; очень сильно дифференцировался образ и уровень жизни по разным азимутам: «Север – Юг», «Запад – Восток», «город – село», по базовым профессиям и роду деятельности. Даже описание социальной жизни последних десятилетий расщепилось на несколько вполне фундированных, но очень сильно различающихся версий.

Наиболее адекватной моделью такого социума, находящегося в состоянии перформанса, с нашей точки зрения, может быть картина

многосоставного общества.

Проблематика многосоставности в начале XXI века обусловлена интенсификацией социально-политических и социально-экономических процессов как на глобальном, так и на региональном уровнях. Однако внешне одинаковые проявления многосоставности и ее демократических проекций имеют разные истоки. В развитых странах Европы и США эти процессы связаны с тем, что они стали реальными точками роста глобализации. Сюда втягиваются дополнительные источники трудовых ресурсов, формируются новые диаспоральные группы и общности, которые ныне не растворяются в гомогенном коренном населении и не смешиваются с ним. В прежний исторический период становления и стабилизации индустриальных обществ главной тенденцией была гомогенизация на гражданских принципах и формирование и утверждение классической конкурентной демократии. Ныне и западное общество гетерогенизируется в условиях глобализации, и актуальной становится проблема новых форм демократии, прежде всего тех, о которых говорил А. Лейпхарт.

В современной России ситуация несколько иная. Здесь в течение последних 20 лет (включая все пространство бывшего СССР) шел процесс локальной гомогенизации по этноконфессиональному признаку, формирование этносоциальных субъектов. К настоящему времени процесс этот в основном завершен, и актуализируются другие процессы: на Юге России – потребность в квалифицированных трудовых ресурсах, поддерживающих формирование индустриального и постиндустриального укладов. Ранее эти ресурсы, в основном русские, были вытеснены из республик. На Севере – потребность во вспомогательных рабочих ресурсах, поддерживающих строительство, торговлю, традиционные уклады. Здесь эта тенденция в целом совпадает с западной постмодернизацией.

Вместе с тем и в Северном, и в Южном анклавах в основном завершены процессы приватизации и утверждения начал рыночной экономики и функционирования правящих элит и одинаково актуальна проблема сохранения собственности и власти в руках правящего класса на легитимных условиях.

Особо нужно остановиться на подходах и смыслах к пониманию «многосоставных об-

ществ», поскольку для современной России актуальна многопараметрическая трактовка «многосоставности».

Традиционный (А. Лейпхарт) подход исходит из политических и политико-культурных оснований «многосоставности», связанных с формированием демократической культуры в гетерогенных в политико-культурном отношении сообществах.

В то же время в России актуализирован подход, связанный с экономической и социальной многоукладностью. Разрушение прежней социально-экономической системы привело к: а) традиционализации — восстановлению мелкоукладной экономики, ремесленного и ручного труда; б) сохранению, хотя и существенно сократившегося индустриального уклада, образующего основы топливно-энергетической и сырьевой экономики; в) формированию постиндустриального уклада.

На территории России в разных ее регионах данные уклады композируются в разных пропорциях. В современной научной литературе идет интенсивный поиск адекватных российской действительности обьективированных концептов социальной реальности. Следует отметить в этом плане цикл монографических работ С.Г. Кордонского: «Россия. Поместная Федерация» (М., 2010); «Словная структура постсоветской России» (М., 2008); «Рынки власти» (М., 2006). Они востребуют вместе с тем разные формы политической организации, ориентированные как на гражданско-демократические, так и традиционные ценности. Поэтому и процесс формирования общеполитической культуры носит осложненный характер. Востребованными оказываются и институты демократии, и институты авторитаризма. В целом складывающаяся композиция политических культур укладывается и объединяется в институты, которые обозначаются термином «демократический элитизм».

В целом Россия смотрится как страна, вступившая в последние 20 лет на путь развития сервисной экономики (торговля, финансы, услуги). Однако в этом процессе обозначены следующие очень динамичные тренды, влияющие и на структуру занятости, и на место в глобальном рынке, и во влиянии:

а) значительное сокращение индустриального сектора и в первую очередь опирающегося на инновации (фундаментальная и прикладная наука, разработки);

б) некоторое сокращение сектора современного (крупного) сельскохозяйственного производства;

в) концентрация производственной сферы (или сферы реальной экономики) вокруг крупных и средних поселений, диффузия поселенческой периферии страны. Здесь же в еще больших масштабах концентрируется финансовая и сервисная экономика;

г) значительная дифференциация регионов по уровню экономического развития и занятости;

д) расширение сегментов деятельности, основанных на ручном и ремесленном труде, самозанятости, резкий рост неформальной экономики и сервиса.

При внешнем сходстве структуры занятости с рядом европейских (среднеразвитых) государств Россия характеризуется при этом огромными контрастами в аспекте социальной и территориально-поселенческой структуры (см. таблицу).

Таблица 1

*Дифференциация социально-экономического развития субъектов РФ
в 2008 и в 2009 гг. [2]*

Показатель	2008 г.			2009 г.		
	Мин. значение	Макс. значение	Разрыв между показателями (в размах)	Мин. значение	Макс. значение	Разрыв между показателями (в размах)
Удельный вес безработных, % к экономически активному населению на конец года	0,9 Москва	55 Ингушетия	61	2,7 Москва	52,9 Ингушетия	19,6
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	10,8 Ингушетия	281 Ханты-Мансийский АО	26	9,8 Кабардино-Балкарская Республика	281 Ханты-Мансийский АО	28,7
Среднемес. начисленная зар. плата, тыс. руб.	7,5 Дагестан	43,6 Ямало-Ненецкий АО	5,8	9 Дагестан	47 Ямало-Ненецкий АО	5,2
Иностранные инвестиции на душу населения, тыс. долл. США	6,2 Республика Ингушетия	3886 г. Москва	627	16,3 Республика Сев. Осетия-Алания	3932 г. Москва	241
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	8,6 Чеч. Респ.	138 Чукотский АО	1,6	72,2 Орловская область	138,1 Чукотский АО	1,9
Индекс производства продукции с/х в хозяйствах всех категорий, % к предыд. году	64 Кировская область	120 Астраханская область	1,9	87,6 Ростовская область	120,1 Астраханская область	1,4
Стоимость минимального набора продуктов питания в декабре 2009 г., % к среднероссийской стоимости	81 Республика Татарстан	310 Чукотский АО	3,8	81 Республика Татарстан	310 Чукотский АО	3,8

Многосоставное, или гетерогенное, общество отличается от гомогенного, к которому следует отнести европейские государства, не только своей «разношерстностью», но и неустойчивостью, неустойчивостью, заряжен-

ностью на все новые изменения или деструкцию. Это очевидно не только на примерах Грузии и Молдавии, Украины и Киргизии, но и каждого российского региона, в особенности в связи с переменами власти наверху: уходит

прежний губернатор, мэр, глава, и начинается перегруппировка административных групп, бизнес-групп, инвестиционных и финансовых потоков. Потом как-то утрясается и так – до новых переназначений или крупных ЧП. Это и есть характерный признак отсутствия укорененности каких-то базовых укладов и социальных структур. Вместе с тем стыковые узлы укладов выступают очагами напряженности и конфликтности.

Это просматривается и в субъективных картинах, присутствующих в массовом сознании.

Все сказанное наглядно просматривается на примере роста межнациональной напряженности, в особенности в Южно-Российском макрорегионе. При этом нужно подчеркнуть, что собственно межэтнические отношения выступают индикатором общего состояния социальных и социально-экономических отношений, показателем реакции на неравномерность и контрастность в уровнях социально-экономического положения регионов.

В то же время развитие собственно этнокультурных факторов закладывает ценностно-культурный потенциал, нацеленный на культивирование традиционных, патриархальных жизненных укладов в «бедных» регионах, что обеспечивает в итоге существенный разрыв этих укладов с укладами регионов, где востребованы установки и ценности модернизационного типа.

Поэтому основной ключ к решению межэтнических проблем и выстраиванию эффективной государственной национальной политики надо искать не столько в самой этнокультурной среде, сколько среди факторов, на которые эта среда чутко реагирует.

Поэтому не вполне можно согласиться с суждением Е.М. Примакова по поводу причин роста межнациональной напряженности в современной России: «До поры до времени мы, если и замечали, то не придавали должного значения националистическим и ксенофобским тенденциям. Очевидно, рассчитывали на то, что главное – решить социальные вопросы, а шовинизм и национализм сами уйдут со сцены. События показывают, что не только не уходят, а, наоборот, укрепляют свое влияние» [3]. Совершенно верное наблюдение по части роста влияния национализма. Но ведь и социальный контекст, связанный с ростом группо-

вой конкуренции, социальными контрастами, социальными тупиками и безнадежностью в плане самореализации, прежде всего молодежи, не только не улучшается, а усугубляется. Поэтому трудно прогнозировать что-либо другое, кроме роста межнациональной и иной межгрупповой напряженности с тенденцией перерастания в открытые конфликты, включая и конфликты с властью.

Что касается стратегического управления в таком многосоставном, мозаичном обществе, то основные его характеристики связаны с современной ролью Российского государства, тенденциями его развития, возможностями притязаний на роль сильного государства. (В современной научной литературе также говорится о «состоятельном», «успешном», «жизнеспособном», «эффективном» государстве – идет поиск адекватных категорий применительно к ситуациям прежде всего стратегического управления).

Мы задействуем категорию «сильное государство», не только следуя за Ф. Фукуямой и другими авторами, но и в силу политико-научной традиции, а также ввиду того, что данная категория видится как многоплановая.

Концепт сильного государства как целостной, сущностной характеристики государства, как самодостаточного, решающего свои внутренние и внешние проблемы, эффективно отвечающего на вызовы и угрозы, в состоянии разрешить кризисы в своем развитии.

При соотнесении концептов силы и эффективности государства, государственной власти выявляется, что сила может рассматриваться как доминантная характеристика потенциала государства во внешних (межгосударственных) и во внутренних отношениях.

Эффективность – один из модусов (модальностей), прежде всего управленческих, сильного государства, связанный с сильным и компетентным правительством, государственным аппаратом. Эффективность в зависимости от тех или иных акцентов (экономических, социальных, культурных и т.д.) имеет собственные регистры.

В качестве других модальностей сильного государства следует указать: легитимность (доверие населения); военную мощь; международный авторитет; экономическую мощь и экономическую успешность; социальное бла-

гополучие; ресурсный потенциал (включая и человеческий капитал).

Анализ современных стратегий государственного развития, ведущих к наращиванию силы государств, позволяет, на наш взгляд, выделить несколько базовых стратегий, в том числе и для современной России:

А-стратегии — консервативные, ориентированные на удержание позиций государственной силы и мощи. Сюда относятся шаги по укреплению военной мощи, в особенности крупных государств, и прежде всего в области глобальных средств уничтожения и парирования; шаги по развитию средств внутриинформационного воздействия и контроля; шаги по развитию социальных программ.

В неевропейских государствах весьма интенсивно наращиваются религиозные и светские идеократические ресурсы, усиливающие внутригосударственную идентичность, идеократическое обособление.

В-стратегии или инновационные стратегии, ориентированные на модернизацию государственного управления в направлении от государственного доминирования — к государственному влиянию. С этим связаны концепции «гибкой власти», «мягкой власти». С другой стороны, это шаги по интеллектуализации власти, на пути к «умной власти», «когнитивной власти», которая не только хорошо знает общество и умеет прогнозировать его развитие, но и так или иначе воздействует, формирует его (не столько манипулятивными, сколько органическими воздействиями). Отсюда ориентации на развитие национального (а не только фирменного, корпоративного) человеческого капитала.

С-стратегии — это информатизация, компьютеризация сферы государственного управления и государственных услуг, введение методов государственного менеджмента и государственного маркетинга, направленные на усиление технологий политического манипулирования.

Выводы для России. Судя по последним раскладам, связанным с новым распределением высших ролей в государственной власти (Путин–Медведев) в РФ избрана на ближайшие годы консервативная стратегия (А-стратегия) за минусом идеократической составляющей, что не позволяет в итоге сформировать

сильное государство в современном смысле (но устремленность к этому просматривается).

Что касается апробации высказанных выше суждений, то мы имели возможность транслировать подход, связанный с многоставностью и стратегическим управлением, применительно к различным секторам российской жизни и политико-управленческой практикой, по отношению к развитию системы высшего образования в РФ [4, с. 17 – 19]; управлению межнациональными отношениями [5, с. 226 – 232], формированию современных российских элит и элитной кадровой политики [6, с. 281 – 298], а также касательно регуляции модернизационных процессов в ближней и среднесрочной перспективе [7, с. 76 – 81].

Литература

1. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000.
2. Игнатов В.Г. Приоритеты и факторы развития российского федерализма на современном этапе: аспекты публичного управления. Монография. Ростов-на-Дону, 2012.
3. Примаков Е.М. Достижения не должны заслонять проблемы // Российская газета. № 5. 2011. 14 января.
4. Старостин А.М. Модели образования в философии образования: механизмы формирования // Философская инноватика и междисциплинарные проблемы современного образования. Ростов-на-Дону, 2012.
5. Старостин А.М. Философские инновации в когнитивном и праксеологическом контексте. Монография. М.: URSS, 2012.
6. Старостин А.М. Философские инновации: когнитивная и аксиологическая репрезентации. Монография. Ростов-на-Дону, 2011.
7. Старостин А.М. Социально-гуманитарные инновации в контексте философской прагматики. Ростов-на-Дону, 2012.